

ПРАВСТВЕННОЕ ПОМЪШАТЕЛЬСТВО.

(Психіатрическій очеркъ).

Окончаніе*).

Въ послѣднее время весьма интересные случаи нравственнаго помъшательства приведены въ сочиненіяхъ Lombroso (L'uomo delinquente, 1878) и Moreau de Tours'a. Мы приведемъ одинъ случай изъ сочиненія послѣдняго автора.

Адель В дѣвочка 14 лѣтъ, довольно хорошенькая, впрочемъ, красоты не долговременной, не прочной, красоты ранней молодости. Этотъ ребенокъ ужасно развращенъ. Всякій разъ, какъ въ больницѣ есть рабочіе, за ней необходимъ былъ тщательный надзоръ. Она всячески старается привлечь ихъ, подаетъ имъ знаки слѣдовать за нею, шлетъ имъ поцѣлуи и, наконецъ, доходитъ до того, что дѣлаетъ въ присутствіи ихъ неприличныя тѣлодвиженія, такъ что иногда приходилось ее запереть. Съ 10 лѣтъ она стала несчастьемъ своей семьи, рассказавъ отцу, будто мать находится въ близкихъ отношеніяхъ съ своимъ кузеномъ. Страшная лгуныя и слишкомъ опытная, не по лѣтамъ, она совершенно способна была выдумать эту исторію. Въ одиннадцатъ лѣтъ она встрѣтила на улицѣ мальчика 15 лѣтъ, котораго родители отправили въ Парижъ изучать кожевенное ремесло. Этотъ молодой человекъ имѣлъ отдѣльную комнату, отлично себя велъ до того времени и прилежно работалъ. Адель проситъ показать ей его квартиру. Тамъ она развращаетъ его и

предлагаетъ остаться съ нимъ. Эти двое дѣтей живутъ вмѣстѣ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, находятъ бѣгланку и приводятъ въ больницу. Она говоритъ, нисколько не конфузясь и не затрудняясь о своемъ приключеніи: „это было очень весело, очень пріятно, къ несчастью, такъ рано кончилось“. Во время знакомства своего съ молодымъ человекомъ, менструаций у ней было; она появилась у ней спустя годъ, въ двѣнадцать съ половиною лѣтъ. Мы ее держали нѣсколько лѣтъ, хотя она отвѣчала разумно и въ глазахъ свѣта не была сумасшедшая. Эти существа, эти вахханки, вполне лишонныя стыда и сдержанности, существа слишкомъ нехорошія, чтобы пользоваться свободой,—ихъ нужно считать слабыми и не правоспособными... Мать Адели постоянно просила возвратитъ ее домой. Мы долго отговаривались (рассказываетъ авторъ), но, наконецъ, послѣ многихъ обѣщаній съ ея стороны вести себя хорошо, она была выпущена. Немного спустя, ее встрѣтили пьяною, потомъ черезъ нѣсколько времени узнали, что она умерла отъ родовъ. Въ семействѣ ея тетка оказалась идиоткою.

Разработка вопроса о нравственномъ помъшательствѣ принадлежитъ послѣднему времени и главнымъ образомъ вызвана Причардомъ; затѣмъ разсмотрѣніемъ его занимались усердно англійскіе и французскіе психіатры. Нужно сказать, ни одинъ изъ видовъ помъшательства не представляется столь затруднительнымъ для пониманія публики, какъ этотъ. И дѣйствительно,

положить границу между *безнравственностью* и *патологіею нравственности*, между *преступленіемъ* и *порокомъ* крайне трудно и крайне опасно, тѣмъ болѣе, что въ понятіи о нравственности есть много условнаго и растяжимаго.

Слѣдуетъ только сравнить нравственные понятія дикарей и народовъ цивилизованныхъ, нравственность сѣверныхъ и южныхъ жителей, или даже различныхъ классовъ людей одного государства, чтобы нерѣдко найти совершенно противоположныя взгляды и воззрѣнія на нравственность. И вотъ, при такихъ условіяхъ приходится еще допускать нравственное помъшательство. А между тѣмъ, оно несомнѣнно существуетъ. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же исходная точка для постановки его въ томъ или другомъ случаѣ?

Главною исходною точкою при постановкѣ діагноза нравственнаго помъшательства должно служить общество, въ которомъ живетъ извѣстное лицо. Какъ ни смотрѣть на дѣло, однако каждый долженъ сознаться, что въ основѣ общественной нравственности государства образованнаго лежитъ прежде всего общая польза. На этомъ зиждется жизнь каждаго отдѣльнаго лица, жизнь каждаго отдѣльнаго члена этого общества. Уклоненія отъ этого положенія ведутъ или къ пороку и безнравственности, или къ помъшательству. Итакъ, въ основѣ нравственнаго помъшательства лежитъ узкій пошлый эгоизмъ; но онъ лежитъ и въ основѣ преступленія, порока и безнравственности. Чѣмъ же отличаются они другъ отъ друга, какъ въ своей психологи-

ческой основѣ, такъ и въ своемъ проявленіи?

Рѣшеніе этого вопроса въ цѣлости завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Здѣсь мы коснемся одной только его стороны,—стороны *патологической*.

Прежде всего не безынтересно то явленіе, что лица, страдающія нравственнымъ помъшательствомъ, почти всегда въ основѣ своей имѣютъ цѣлый рядъ предковъ, страдавшихъ или помъшательствомъ, или эпилепсіей и подобными болѣзнями. Далѣе, разсматривая дѣтство, юношество и періодъ времени, предшествующій полному обнаруженію помъшательства, мы видимъ цѣлый безконечный рядъ различныхъ ненормальныхъ вспышекъ; каждый отдѣльно взятый такой ненормальный поступокъ самъ по себѣ еще ничего не составляетъ; какъ, напримѣръ, мученіе маленькихъ животныхъ, шатаніе по дорогамъ съ нищими сына состоятельныхъ родителей и проч., но скучиваніе ихъ обнаруживаетъ очень неблагоприятный эффектъ. Въ основѣ такихъ проявленій лежитъ полный, узкій и жалкій *эгоизмъ*.

Но слово эгоизмъ слишкомъ общее; постараемся разложить его на отдѣльные элементы, изъ которыхъ онъ составляется въ данномъ случаѣ.

По *Маудсли* *) припадки этой болѣзни состоятъ въ извращеніи такъ называемыхъ нравственныхъ способностей или чувства и воли въ обширномъ значеніи слова; слѣдовательно: ощущеній, привязанностей, наклонностей, права, привычекъ и поведенія. Но такъ какъ ощущенія лежатъ въ основѣ способности мышленія, то и она не можетъ

*) Маудсли, „Физиологія и патологія души.“

быть совершенно свободна отъ страданія, хотя можетъ и не быть у больного положительно нелѣпыхъ идей: *эморично* поражается весь способъ мышленія и сужденій.

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ психіатромъ, что дѣйствительно главный фокусъ страданія лежитъ въ чувственной области. Больные этой категоріи своею чувственною стороною вполне примыкаютъ къ низшему ряду животнаго царства. Чувственность и страсти составляютъ удовлетвореніе и цѣль ихъ жизни; всѣ ихъ дѣйствія, вся ихъ жизнь, всѣ ихъ стремленія направляются къ удовлетворенію этой потребности. Далѣе, стоя на очень низкой ступени человѣческой лѣстницы по своимъ душевнымъ качествамъ, они отличаются не только дисгармоніею между силою страстей и вліяніемъ разсудка, но, главнымъ образомъ, степенью развитія своей чувственности.

Въ этомъ отношеніи нравственно-помъшанные стоятъ на границѣ между образованнымъ лицомъ и представителями высшаго животнаго царства; они, такъ сказать, соединительное звено между человѣческою природою и остальнымъ животнымъ царствомъ. Ни въ одномъ изъ видовъ помъшательства сравнительно-психологическія и антропологическія данныя не послужили бы такъ разъясненію дѣла, какъ въ нравственномъ помъшательствѣ.

Чувственная сторона нравственно-помъшанныхъ отличается силою и характеромъ своего проявленія.

Вся жизнь этихъ больныхъ представляетъ цѣлый рядъ удовлетворенія

своей чувственности и своимъ страстямъ; они не имѣютъ никакого понятія объ обществѣ, религіи, семействѣ, друзьяхъ и ближнихъ. Центръ ихъ жизни я, и это я лежитъ въ удовлетвореніи животной жизни. Умственная область всецѣло подчинена чувственной, вся дѣятельность разсудка направлена на изобрѣтеніе средствъ и способовъ самоудовлетворенія, или для защиты и изворотливости своихъ безнравственныхъ поступковъ. Логика ихъ выводовъ поразительна, впрочемъ, потому, быть можетъ, что всѣ умственные способности направлены исключительно къ удовлетворенію и оправданію ихъ эгоистическихъ желаній, говоритъ Маудсли *). Двигательная область, какъ послушное орудіе разсудка, въ свою очередь служитъ чувственнымъ прихотямъ и желаніямъ. Въ этомъ отношеніи нравственное помъшательство низводитъ человека на ступень низшихъ животныхъ организмовъ, существующихъ съ цѣлью поддержанія себя и продолженія вида.

Но еще болѣе нравственное помъшательство характеризуется качествомъ своей чувственности. Пьянство, картежничество, воровство, развратъ, всевозможныя оргіи и другія грязныя и животныя наклонности составляютъ *суть* жизни такихъ лицъ.

Чѣмъ болѣе развитъ человекъ, тѣмъ страсти и желанія его выше, разумнѣе и обогороженнѣе. Одни тратятъ свои громадныя капиталы на приобрѣтеніе дорогихъ книгъ, инструментовъ, замѣчательныхъ рѣдкостей; другіе всю жизнь

*) Маудсли, „Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ“.

проживаютъ въ своихъ душевныхъ кабинетахъ, завѣдомо убивая здоровье изъ за какихъ-нибудь вычислений; иные путешествуютъ тысячи верстъ, рискуя здоровьемъ и безопасностью жизни изъ-за разысканія невѣдомыхъ произведеній природы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ страсти и цѣль жизни воплощаются въ пытливости ума и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что здѣсь умственная область составляетъ ядро жизни.

Въ нравственномъ помѣшательствѣ ядро жизни—удовлетвореніе самымъ грязнымъ, самымъ низкимъ страстямъ. Какъ по характеру, такъ и по силѣ чувственности нравственно помѣшанные далеко уступаютъ даже представителямъ высшаго животнаго царства. Въ семействѣ обезьянъ, кошекъ и собакъ ясно видны семейныя отношенія, забота о воспитаніи и сохраненіи вида, соблюденіе извѣстныхъ правилъ общегитія. Въ нравственномъ помѣшательствѣ, наоборотъ, мы видимъ наклонную страсть къ удовлетворенію половой потребности, но стремленія къ продолженію вида вовсе не существуютъ. И въ этомъ отношеніи особенно ярко оправдывается указанный Дарвиномъ законъ „естественнаго подбора“. Такимъ образомъ, какъ по силѣ, такъ и по свойству страстей, нравственное помѣшательство является чувственнымъ идиотизмомъ въ средѣ человѣческаго общества.

То же самое можно сказать и объ умственной его сторонѣ. Крафтъ-Эбингъ *) говоритъ: „въ интеллектуальномъ отношеніи всегда оказывается дефектъ.

Многіе исключительно слабоумны и всѣ безъ исключенія интеллектуально слабы, непродуктивны, неспособны ни къ какому призванію, ни къ какой правильной дѣятельности, обладаютъ въ незначительной мѣрѣ способностью къ развитію, образованію, односторонни; мысли ихъ извращены, сужденія ограничены“.... „У нѣкоторыхъ наблюдается также формальное разстройство способности представленія, урывочное развитіе идей, совершенно своеобразныя ассоціаціи и особенная фиксировка опредѣленныхъ, вызываемыхъ аффектомъ представленій“.

„Существенное же значеніе имѣетъ разстройство въ сферѣ представленія, при соединеніи представленій въ высшіе процессы, при образованіи этическихъ элементовъ, и при созданіи изъ послѣднихъ этической формы, нравственныхъ сужденій и понятій, которыя замѣняются, и то не всегда, абстрактнымъ, формальнымъ знаніемъ права и закона, безъ всякаго этического ихъ пониманія¹⁾“.

Такимъ образомъ и въ интеллектуальномъ отношеніи нравственное помѣшательство обнаруживаетъ идиотизмъ, допуская, разумѣется, что оно прирождено и унаслѣдовано. Но это далеко не всегда такъ.

Профессоръ Верга,²⁾ по поводу извѣстнаго процесса Аньоетти, говорить слѣдующее: „бываютъ случаи, гдѣ способность пониманія, память и силлогистическія способности могущественны и активны.

¹⁾ Крафтъ-Эбингъ, тамъ же.

²⁾ Andrea Verga, Seconde expertise medicolegale de l'accusé Agnoletti. Annal. medicopsychol. 1875.

Но дѣло въ томъ, что ихъ гибкій умъ, прекрасная память, способность быстро соображать и пр., идутъ какъ то въ разрѣзъ съ ихъ собственными поступками. Помѣшанные этой категоріи вообще рассуждаютъ хорошо, а дѣйствуютъ дурно, очень способны наставлять публику своими словами и скандализировать ее своими поступками“.

Въ умственной области лицъ, страдающихъ нравственнымъ помѣшательствомъ, замѣчается какая то обособленность, изолированное развитіе однихъ способностей насчетъ другихъ, нѣтъ гармоніи въ развитіи всѣхъ сторонъ; напротивъ, если одна сторона умственныхъ способностей развита очень хорошо, то другая пребываетъ почти въ зачаточномъ-эмбриональномъ состояніи. Такая односторонность развитія умственной области у нравственно-помѣшанныхъ опять-таки служитъ указаніемъ низкаго положенія ихъ разсудка; даже идиоты и слабоумные не лишены способности односторонняго развитія. „Бываютъ слабоумные“ (разумѣемъ здѣсь слабоумныхъ отъ рожденія), говоритъ Маудсли, *) „у которыхъ общій недостатокъ ума сопровождается страннымъ развитіемъ его въ какомъ-нибудь одномъ направленіи. Они, напр., обнаруживаютъ поразительную память къ разнымъ подробностямъ; или же отличаются какими-нибудь особенными механическими талантами; наконецъ, обнаруживаютъ хитрость, которая, повидимому, стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ

*) Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ.

ихъ общей умственной тупостью“. Принимаемая во вниманіе различныя степени врожденнаго слабоумія, такая односторонность развитія не только не противорѣчитъ общему состоянію нравственнаго помѣшательства, но даже вполне съ нимъ гармонируетъ. Достигая даже самой высокой степени умственного развитія, больные этой категоріи всегда будутъ характеризоваться полною дисгармоніей ума и воли. У нихъ постоянно будетъ рѣзкое противорѣчіе между очень умными рѣчами и очень глупыми поступками; этою способностью они всегда будутъ примыкать къ низшимъ звеньямъ общей умственной человѣческой пѣщи.

Проявленіе дисгармоніи между выводами разсудка и поступками у больныхъ этой категоріи допускаетъ одну дилемму: или воля ихъ беспомощна и бездѣятельна, или они поступаютъ такъ умышленно; значитъ, воля ихъ извращена или, иначе, у нихъ обнаруживается „злая воля“, какъ говорятъ схоластики. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ состояніи воля будетъ патологическая.

„Воля человѣка, по фізіологическому взгляду, допускаетъ одно только опредѣленіе: она есть отношеніе извѣстныхъ психическихъ процессовъ (представленій и чувствованій) къ движущимъ органамъ. Воля не есть самостоятельная дѣятельность, а только процессъ, органический актъ, который совершается при извѣстныхъ условіяхъ... Человѣкъ проявляетъ волю только тогда, когда приводитъ въ возбужденное состояніе двигательный органъ; вмѣстѣ съ движеніемъ, воля прекра-

щается, чтобы, смотря по возникающимъ чувствованіямъ и представленіямъ, опять проявиться въ томъ или другомъ видѣ“,—говоритъ профессоръ Фрезе¹⁾.

Воля есть активный эффектъ цѣлаго ряда душевной дѣятельности. Допуская это, мы должны прийти къ тому заключенію, что у нравственно-помѣшанныхъ или всѣ дѣйствія и поступки произвольны, не служатъ непосредственнымъ выраженіемъ ихъ мыслительной дѣятельности, или что между побужденіемъ—разсудкомъ и эффектомъ его—волею, существуетъ извѣстная органическая дисгармонія,—остается второе. „Мниопреступный обвиняемый отличается отъ дѣйствительнаго преступника тѣмъ, что его безнравственныя преступныя побужденія не основаны на добровольномъ посвященіи себя службѣ безнравственности, послѣ произвольнаго отреченія отъ нравственныхъ принциповъ, а суть продукты мозговой болѣзни и такимъ образомъ имѣютъ органическое основаніе“²⁾.

Въ нравственномъ помѣшательствѣ главная и основная черта заключается въ дисгармоніи между выводами разсудка или логикой и исполненіемъ этихъ выводовъ или волею. Въ этомъ смыслѣ нравственное помѣшательство вполне заслуживаетъ названіе импульсивнаго помѣшательства.

Гдѣ же лежитъ основа этой дисгармоніи, или исходный ея пунктъ? На это можно отвѣчать различно, смотря

¹⁾ Профессоръ Фрезе, О судебно-психиатрическихъ осмотрахъ. „Арх. судеб. мед.“ 1866 года, № 1-й.

²⁾ Крафтъ Эбингъ, 1 с.

по тому, съ какой стороны посмотрѣть на дѣло. Отчасти у лицъ этого рода чувственная сторона слишкомъ развита; отчасти—разсудокъ слишкомъ слабъ, для того, чтобы быть господиномъ надъ своими страстями; а оба вмѣстѣ эти условія имѣютъ исходнымъ пунктомъ низкій уровень мозгового развитія.

Въ большинствѣ случаевъ можно прийти къ тому заключенію, что на нравственное помѣшательство нужно смотрѣть, какъ на прирожденную низшую ступень умственныхъ способностей, лежащую между идиотизмомъ и нормою, но скорѣе примыкающую къ идиотизму, чѣмъ къ нормѣ. Опираясь въ своемъ мнѣніи на слѣдующее: во-первыхъ, этотъ психозъ почти всегда имѣетъ въ основѣ наслѣдственность и законъ естественнаго подбора; во-вторыхъ, сильное развитіе страстей и чувственныхъ наклонностей; в-третьихъ, самый дурной и низкій характеръ этой чувственности; в-четвертыхъ, полное преобладаніе страстей надъ разсудкомъ и соподчиненіе послѣдняго первымъ, и в-пятыхъ, естественное слѣдствіе: разладъ между разсудкомъ и поступками.

О значеніи этого вида помѣшательства я позволю себѣ сказать словами Moreau-de-Tours'a: C'est de la folie à un degré, encore peu élevé, mais c'est toujours de la folie. (Это помѣшательство, хотя высшей степени, но все же помѣшательство).

П. И. Ковалевскій.